

УДК 81'42:821.161.1-32(Пелевин В. О.)

Бабкина Л.Ю. (Екатеринбург, УрГПУ)

*Разномодальные ассоциации как стимул
к развертыванию ассоциативного поля текста*

Аннотация. В статье на материале рассказа В. О. Пелевина «Онтология детства» дан анализ ассоциативного поля художественного текста. Особое внимание уделяется характеру модальности стимула и реакции, соотношению данных героем реакций со стереотипными по данным РАС Ю. Н. Караулова. Кроме того, стимул в данной статье рассматривается как возможность моделирования образов сознания персонажа в художественном тексте.

Ключевые слова: ассоциативные поля, память, художественные тексты, рассказы, русская литература, русские писатели, модальности восприятия.

Сведения об авторе: Бабкина Лея Юрьевна, магистрант первого года обучения ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет» (Екатеринбург).

Контакты: 620017, Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26; babkina.leya2013@yandex.ru.

Babkina L.Yu. (Yekaterinburg, USPU)

*Different Association as an incentive for the deployment
of associative field of the text*

Abstract. In the article on the material of the story V. O. Pelevin “Ontology of childhood” provides an analysis of the associative text field. The author pays special attention to the nature of the stimulus modality and reaction, as well as correlates the reactions given by the hero with the stereotyped ones according to the RAS data Yu. N. Karaulov. In addition, the stimulus in this article

is considered as the possibility of mind modeling at its earlier stages, with less mental experience.

Keywords: associative fields, memory, literary texts, stories, Russian literature, Russian writers, perception modalities.

About the author: Babkina Leya Yu., undergraduate of the first year of study at the Ural State Pedagogical University (Yekaterinburg).

Ассоциативным полем в психолингвистической теории принято считать совокупность ассоциатов (реакций) на словостимул. При анализе языкового сознания необходимо найти вербальное воплощение мыслительных структур, чем, по мнению Ю. Н. Караулова является именно ассоциативное поле [Караулов, 1994, с. 17]. Развертывание ассоциативного поля в рассказе В.О. Пелевина «Онтология детства» происходит за счет контраста между «детством» и «взрослостью» в сознании героя текста, который проблематизирует зафиксированные в его памяти значимые гештальты ситуаций и проводит анализ актуального ментального опыта в сравнении с ранним.

«Иногда только, совсем рано утром, когда просыпаешься и видишь перед собой что-то очень привычное – хотя бы кирпичную стену, – вспоминаешь, что раньше она была другой, не такой, как сегодня, хотя и не изменилась с тех пор совершенно». Ассоциативное движение запускает визуальный стимул – **кирпичная стена**. Акцентирование героем внимания на материале стены – показатель сформированности в его языковом сознании ассоциативных связей «кирпич» – «тяжелый», «кирпич» – «крепкий». Данные синтагматические реакции находятся на периферии ассоциативного поля лексемы «кирпич» по данным РАС (<http://www.thesaurus.ru/dict/>). Что касается слова «стена», оно также ассоциативно значимо для персонажа: «непробиваемая», «большая», «толстая» – все эти реакции являются поверхностными и частотными, следовательно, они могли возникнуть в состоянии до полной вклю-

ченности работы мышления: «совсем рано утром, когда просыпаешься». Для персонажа «кирпичная стена» является метафорой устойчивости, поэтому, логично предположить, что для него «привычное», «кирпичная стена» и «не изменилась» – это своего рода синонимический ряд.

Далее ассоциативное поле разворачивается по пути кинестетико-визуальной детализации: *«Вот щель между двумя кирпичами – в ней видна застывшая полоска раствора, выгнутая волной»*. Персонаж рассматривает запечатленный в памяти образ и встраивает его в пространственные координаты. *«Если не считать тех лет, когда ты засыпал, ложась для разнообразия ногами в другую сторону, или того совсем уж далекого времени, когда голова еще постепенно удалялась от ног и утренний вид на стену претерпевал небольшие ежедневные сдвиги – если не брать всего этого в расчет, то всегда этот вертикальный барашек в щели между кирпичами и был первым утренним приветом от огромного мира, в котором мы живем, – и зимой, когда стена пропитывалась холодом и иногда даже покрывалась удивительной красоты серебристым налетом, и летом, когда двумя кирпичами выше появлялось треугольное, с неровными краями, солнечное пятно (только на несколько дней в июне, когда солнце уходит достаточно далеко на запад). Но за это время своего долгого путешествия из прошлого в настоящее окружающие предметы потеряли самое главное – какое-то совершенно неопределимое качество. Даже не объяснить»*. Кинестетическая направленность ассоциирования растет, усиливается эмоционально-оценочное «чувственное» восприятие видимых объектов. Взгляд в прошлое, где *«вид на стену претерпевал небольшие ежедневные сдвиги»*, а каждый зрительный образ имел *«какое-то неопределимое качество»*, пронизан ощущением необъяснимости всего этого в настоящем.

«Вот, например, с чего раньше начинался день: взрослые уходили на работу, за ними захлопывалась дверь, и все огром-

ное пространство вокруг, все бесконечное множество предметов и положений становилось твоим. И все запреты переставали действовать, а вещи словно расслаблялись и прекращали что-то скрывать. Взять что угодно – самое привычное, хоть лежак – верхний, нижний – неважно: три параллельные доски, поперечная железная полоса снизу, и на каждой такой полосе по три выпирающих заклепки. Так вот, если рядом был хоть один взрослый человек, лежак, честное слово, как-то сжимался, становился узким и неудобным. А когда они уходили работать, не то он становился шире, не то появлялась возможность удобно на нем устроиться. И каждая из досок – тогда их еще не красили – покрывалась узором, становились видны годовые кольца, пересеченные когда-то пилой под самыми немислимыми углами. То ли в присутствии взрослых они куда-то исчезали, то ли просто не приходило в голову обращать на такие вещи внимание под аккомпанемент тяжелых разговоров о пересменках, нормах и близкой смерти». Физические объекты антропоморфизируются, что выражается вербально такими предикатами, как: (вещи) «расслаблялись», «прекращали что-то скрывать»; (лежак) «сжимался».

Стимулом является хлопок дверью, но на данном этапе он не влечет за собой аудиальных реакций: на уровне сенсорной информации [см. об этом: Коновалова, 2016, с. 130-136] хлопок считывается как звучание, однако обработка этой информации происходит с участием других модальностей. Ассоциативное поле по-прежнему строится на контрасте представлений героя о вещах и действиях «взрослого мира». Не случайно на стимул «*взрослый*» реакция «*ребенок*» вторая по частотности по данным РАС (58 реакций из 524). Реакции из визуально-кинестетических переходят в собственно кинестетические: «становился узким и неудобным», «становился шире», «удобно устроиться». Герой буквально помещает себя в хронотоп детства.

«Самое удивительное, конечно, – это солнце. Главное – даже не ослепительное пятно в небе, а идущая от окна полоса воздуха, в которой висят пушистые пылинки и мельчайшие скрученные волоски. Их движения до того округлы и плавны (в детстве, кстати, видишь их рой издали с удивительной ясностью), что начинает казаться, будто есть какой-то особенный маленький мир, живущий по своим законам, и то ли ты сам когда-то жил в этом мире, то ли еще можешь туда попасть и стать одной из этих сверкающих невесомых точек. И опять: на самом деле кажется совсем не это, но иначе не скажешь, можно только ходить вокруг да около». Стимулом является визуальный ряд, но он осмысливается кинестетически: через движение (*«идущая от окна полоса воздуха»*), тактильное восприятие (*«пушистые пылинки»*) и эмоцию (*«начинает казаться»*). Кроме того, герой высказывает тревогу взрослого сознания о том, что вербальных символов ему недостаточно, чтобы передать прочувствованное. Когнитивное и собственно перцептивное не могут стать тождественными, что составляет одну из проблем разрыва между «детством» и «взрослостью».

Аудиальные стимулы также влекут за собой кинестетическое восприятие героя: *«Обычно в детстве просыпаешься от утренней ругани взрослых. Они всегда начинают день с ругани, сквозь продолжающийся сон их речь кажется странно растянутой и вязкой, и отлично чувствуешь по их интонациям, что и те, кто орет, и те, кто оправдывается, на самом деле совершенно не испытывают тех чувств, которые стараются выразить своими голосами. Просто они тоже недавно проснулись, еще не совсем очухались от увиденного во сне – хоть ничего уже и не помнят – и стараются побыстрее убедить себя и других, что утро, жизнь, несколько минут на сборы – все это на самом деле»*. Даже сам стимул видится персонажу осязаемым (*«вязкая»* и *«растянутая»* ругань»). Вопрос о разрыве между означаемым и означающим

становится столь же острым, сколько дистанция между детством и взрослостью.

Герой рассказа углубляется в детство все дальше, воспроизводя в памяти более ранние визуальные гештальты: *«Лица у них стремные: изрытые, в пятнах, с щетиной. Чем-то похожие на луну в окне – так же много деталей. Взрослые очень понятны, но сказать про них почти нечего»*. В данном фрагменте мы сталкиваемся с когнитивным сбоем, мнимым воспоминанием. На картины памяти раннего детства накладывается нынешнее впечатление о «неприятной взрослости», едва ли герой мог вспомнить первые недели своей жизни, детально описывая увиденное спустя много лет.

После череды описанных фрагментов детства («коридор», «небо» и др.) герой ставит на первый план разномодальные стимулы, делая вывод о том, что именно они связывают «детство» и «взрослость», два разных уровня одного сознания: *«То, что видишь каждый день много лет, постепенно превращается в памятник тебе самому – каким ты был когда-то, – потому что несет на себе отпечаток чувств уже почти исчезнувшего человека, появляющегося в тебе на несколько мгновений, когда ты видишь то же самое, что видел когда-то он. Видеть – на самом деле значит накладывать свою душу на стандартный отпечаток на сетчатке стандартного человеческого глаза»*.

Литература

Гридина Т. А., Коновалова Н. И. Ассоциативные доминанты восприятия невербальных сигналов коммуникации (словообраз «жест» по данным РАС) // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. – 2016. – № 14. – С. 75-85.

Караулов Ю. Н. От структуры ассоциативного словаря к структуре языковой способности // Вестник Российского уни-

верситета дружбы народов. Сер. Филология. Журналистика. – 1994. – № 1.

Коновалова Н. И. Перцептивные образы сознания в свете данных «Русского ассоциативного словаря» // Новая Россия: традиции и инновации в языке и науке о языке: материалы докладов и сообщений Международной научной конференции, посвященной юбилею Заслуженного деятеля науки РФ, доктора филологических наук, профессора Л.Г. Бабенко. – 2016. – С. 130-136.

Пелевин В. О. Онтология детства. – URL: <http://pelevin.pov.ru/rass/pe-det/1.html> (дата обращения: 12.06.2019).

Ружицкий И. В. Цепочка ассоциаций как единица восприятия. Россия и русские в языковом сознании носителей иных культур // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2010. – № 3.

Русский ассоциативный словарь / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов. – 2002. – URL: <http://www.thesaurus.ru/dict/dict.php> (дата обращения: 12.06.2019).